

КОММУНИКАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПАРЕНТЕЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Одной из наиболее востребованных фигур речи в художественных произведениях в настоящее время является парентеза, которую мы встречаем повсеместно в сочинениях Б.Акунина, З.Прилепина, Л.Петрушевской, В.Токаревой, Л.Улицкой, Д.Рубиной и других современных прозаиков. На наш взгляд, крайне интересной является парентеза в произведениях В.Пелевина, где она коммуникативно значима и создает специфические стилистические картины, углубляющие содержание повествования.

Парентеза представляет собой фигуру порядка слов, которая связана с вставкой одной синтаксической конструкции (или отдельных слов) внутрь другой, при этом грамматическая связь между предложением и вставкой может отсутствовать, а часто и семантически они не взаимодействуют.

Парентеза, или вставная конструкция, всегда служит для передачи какой-то дополнительной информации, которую нужно внести в высказывание, при этом подчеркнуть, что эта информация носит дополнительный, побочный, второстепенный характер по отношению к основному высказыванию. С основным высказыванием (его содержанием или стилем) парентеза связана ассоциативно, что сближает подобные конструкции с устной речью, так как вставные конструкции часто передают информацию, возникшую спонтанно, между прочим (например, чувства, эмоции, внезапно всплывшие в памяти ассоциативные воспоминания, сравнения и т.п.).

Парентеза является стилистической фигурой, способной нарушить синтаксическую одноплановость повествования, что приводит к возникновению второго плана сообщения, своеобразного авторского комментирования предложенного текста.

Цель данной статьи предполагает установление структурных и семантических особенностей парентезы, выявление ее стилистических и коммуникативных функций в тексте современных художественных произведений. Объектом изучения является роман Виктора Пелевина «Generation «П». Предметом исследования является механизм взаимодействия информации основного текста с информацией, переданной парентезой.

Известно, что структурно парентеза соответствует различным синтаксическим и лексическим конструкциям, как то: слову, словосочетанию, предложению любого структурного типа, целому тексту. Например: *Бумага (целая стопка) уже лежала под планшеткой* – словосочетание; *Он поступил в технический институт – не потому, понятное дело, что любил технику (его специальностью были какие-то электроплавильные печи), а потому что не хотел идти в армию* — простое предложение; *Весело ухая, она [обезьяна] отъезжала в направлении моря на*

джипе в обнимку с девицами, которые явно чихать хотели на женское равноправие (когда приходится общаться с обезьянами, лучше просто не думать о подобных вещах, потому что равноправие и неравноправие будут одинаково тяжелы для души) — СПП с параллельным подчинением. [3].

В анализируемом романе представлены виды парентезы, которые отличаются тем, что имеют различную связь с основным текстом.

Особенностью стиля В. Пелевина, связанной с использованием парентезы, явилось то, что на протяжении романа нами не зафиксировано ни одного случая аллотриологии -- парентезы, не имеющей семантической связи с основным высказыванием. Подобная связь в большей или меньшей степени есть всегда.

Чаще всего парентеза представлена как парэмбола – наблюдается тесная тематическая связь между главной и вставной частями. Вставная конструкция дополняет или раскрывает содержание основной части. Например: *Одеколony молодежиной линии (независимо от производителя) можно связать с деньгами и императором Веспасианом (налог на сортиры, слоган «Деньги не пахнут»); Случившееся было частью всемирного процесса, отраженного во множестве книг (достаточно вспомнить «Ожидание обезьян» Андрея Битова или «Браззавильский пляж» Вильяма Бойда). [3].*

Частотны случаи, когда вставная конструкция выполняет функцию пояснения смысла основной фразы – эпексегезис. Коммуникативно она совпадает с пояснительными или уточняющими синтаксическими конструкциями, которые писатель использует в романе значительно реже. Например: *Ее [депрессию] можно было убрать двумя методами – выпить граммов сто водки или срочно что-нибудь купить, потратив долларов пятьдесят (некоторое время назад Татарский с удивлением понял, что эти два действия вызывают сходное состояние легкой эйфории, длящейся час-полтора); Бронзовый пиджак, в который советская власть навсегда одела поэта, опять вошел в моду – Татарский вспомнил, что совсем недавно видел такой же фасон на рекламе Кензо. [3].*

Иногда вставная конструкция настолько семантически совпадает с пояснением или уточнением, что только знак препинания говорит в пользу парентезы (чаще всего это тире вместо двоеточия или скобки вместо запятой). Например: *Читать было трудно -- смысл плохо доходил, а буквы радужно переливались и подмигивали; На ней было простое черное платье (ни украшений, ни косметики), а в руке она держала папку с золотым замочком; Они явственно воплощали в себе то, что один пьяненький преподаватель советской литературы из Литинститута называл «наш гештальт», и это было так жалко, смешно и трогательно (особенно пряжки-арфы), что у Татарского на глаза навернулись слезы.[3].* Писатель отдает предпочтение расширенной, протяженной парентезе – анаподатону. Именно анаподатон дает возможность более ярко выразить отношение автора к описываемым событиям, раскрыть сопутствующие чувства и эмоции. Например: *В начале зимы Татарский кое-как подремонтировал свою однокомнатную квартиру (дорогой итальянский смеситель на фоне*

отстающего от стен василькового кафеля советской поры напоминал золотой зуб во рту прокаженного. Но на капитальные перемены денег не было); СССР, который начали обновлять и улучшать примерно тогда же, когда Татарский решил сменить профессию, улучшился настолько, что перестал существовать (если государство способно впасть в нирвану, это был как раз такой случай). [3].

Особенностью парентезы у В.Пелевина является совмещение функций добавочного сообщения, пояснения и сравнения. Например: *На его лице была хмуро-резкая гримаса, и чем-то он был похож на раскинувших крылья птиц (не то орлов, не то чаек), залетевших в мглистое небо из приложения к последнему «Фотошопу»; С одной стороны, выходило, что он с Эдиком мастерил для других фальшивую панораму жизни (вроде музейного изображения битвы, где перед зрителем насыпан песок и лежат дырявые сапоги и гильзы, а танки и взрывы нарисованы на стене). [3].*

Наиболее характерна для парентезы В.Пелевина функция присоединения. Вставные конструкции здесь выступают как примечание или добавочный авторский комментарий к основной части сообщения. Надо отметить, что присоединительное значение проявляется в разнообразных синтаксических конструкциях (простых предложениях с «присоединительными» словами, в сложносочиненных предложениях с присоединительными союзами, в сложноподчиненных предложениях с подчинительными союзами, имеющими в том числе и присоединительное значение. Например: *Пальмы с пачки «Парламента» и с фотографии на стене были очень похожи, и он подумал, что они растут в такой точке мира, куда он никогда не поедет – даже, по русскому обычаю, на танке; История парламентаризма в России увенчивается тем простым фактом, что слово «парламентаризм» может понадобиться разве что для рекламы сигарет «Парламент» (да и там, если честно, можно обойтись без всякого парламентаризма); Но мы не собираемся глубоко анализировать этот клип (хотя, может быть, именно здесь нашлось бы объяснение того, почему так называемые шестидесятники упорно называют поколение «Пговнососами»). [3].*

Для стиля В.Пелевина характерно сочетание вставных конструкций с вводными словами, благодаря которому авторское комментирование текста приобретает дополнительный модальный оттенок и ещё в большей степени говорит о сугубо авторской, ненавязчивой позиции. Например: *Ведь вечность – так, во всяком случае, он всегда думал – была чем-то неизменным, неразрушимым и никак не зависящим от скоротечных земных раскладов; Следующей его большой удачей (не только по его собственному мнению, но и по мнению Пугина, который опять удивил, дав немного денег) был текст, написанный для сигарет «Давидофф»; Его имитация фольклора была довольно пошлой (впрочем, это не влияло на рыночную ценность). [3].*

В произведениях писателя присутствуют как выключенные (альтернативные), так и включенные (безальтернативные) вставные конструкции [1, с.134].

Особенностью выключенных конструкций является то, что они представляют собой член предложения или часть предложения, выключенные из этого предложения только при помощи пунктуации и интонации, а грамматические связи при этом не нарушаются. Например: *Это была крупная – значительно больше остальных, через все ворота—надпись флюоресцентной оранжевой краской (она ярко светилась под лучами электролампы); В центре площадки стояло недостроенное здание – то ли фундамент какого-то космического локатора, то ли просто многоярусный гараж.* [3]. Такие конструкции многочисленны в анализируемом романе и подчёркивают современную синтаксическую тенденцию синтаксической расчлененности текста.

Включенные конструкции не имеют грамматической связи с основной частью высказывания, а соединены с ней только семантически. Например: *После короткого обмена любезностями (говорила в основном Лена; Сергей сидел в углу, закинув ногу на ногу, и курил) Татарский был представлен в качестве сценариста; В них были задействованы юный повар неясной сексуальной ориентации (предлагался классический сюжет с поручиком Ржевским и вишневой косточкой; слоган был «А повар ел пирожное с вишней»), черные «мерседесы», набитый долларами чемодан и прочие народные архетипы.* [3].

Выделяемый некоторыми учеными [2, с.42] промежуточный тип вставных конструкций, когда происходит своеобразное «рассогласование» выключенных конструкций (грамматическая связь материально не выражена, но легко восстанавливается), практически отсутствует в романе. Преобладают выключенные конструкции, в которых наличие тесной грамматической связи проявляется анафорически или при помощи лексического повтора. Например: *Место называлось «Драфт Подиум» (после нескольких минут напряженной умственной работы Татарский оставил попытку понять, что это означает); Еще Морковин достал из пакета пажоискский блокнот в кожаной обложке, невероятно толстую ручку с надписью «Зюзи» и пейджер – тогда они только появились в Москве; Само пространство, куда были направлены эти прежние взгляды (взгляд ведь всегда куда-то направлен), стало сворачиваться и исчезать, пока от него не осталось только микроскопическое пятнышко на ветровом стекле ума.* [3].

Таким образом, на примере романа В.Пелевина мы видим проявление ярко выраженной тенденции к синтаксическому расчленению текста. Текст делится на две части: собственно повествование и авторское комментирование его. Разделение текста происходит на грамматическом и семантическом уровнях, коммуникативно текст представляется двуплановым, выпуклым, помимо основного содержания отражающим позицию автора, в том числе благодаря парентезе.

2. Вердеш, А.А. Вставные конструкции в контексте тенденций к синтаксическому расчленению и слиянию /А.А. Вердеш, Е.А. Покровская. // *Lingua mobilis*, №2 (48). – 2014. – С.37-44.
3. Пелевин Виктор. *Generation «П»* / В.Пелевин. – М.: Эксмо, 2007. – 384 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ